
УДК 801.6:7.031 (470.6)

ББК 82.3 (235.7)

Г 97

Гутов А.М.

Доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором адыгского фольклора Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, e-mail: gupsa@mail.ru

Проблемы исследования нартского эпоса на современном этапе (Рецензирована)

Аннотация:

Рассматриваются проблемы аккумуляции феномена традиционной народной культуры в условиях современной цивилизации, подводятся итоги истории изучения героического эпоса народов Кавказа. Отмечается, что этноцентрические тенденции в течение нескольких десятилетий замыкают нартоведение в малоперспективных спорах о генезисе и этноязыковой принадлежности основного ядра эпоса. Обращается внимание на необходимость разработки методов комплексного, централизованного изучения эпоса во всех национальных версиях.

Ключевые слова:

Нарты, эпос, Кавказ, национальные версии, комплексное изучение, эдиционные принципы.

Gutov A.M.

Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of the Adyghean Folklore, Institute of Humanitarian Researches, the Government of Kabardino-Balkar Republic and Kabardino-Balkar Center of Russian Academy of Sciences, e-mail: gupsa@mail.ru

Research of the Narts' epos at the present stage

Abstract:

The paper discusses the accumulation of a phenomenon of traditional national culture in the conditions of a modern civilization and sums up the history of studying the heroic epos of the people of the Caucasus. Ethnocentric tendencies within several decades take down the Nart epos studies to low-perspective disputes on genesis and ethnolanguage belonging of the main core of the epos. Attention is paid to development of methods of the complex, centralized studying the epos in all national versions.

Keywords:

Narts, epos, the Caucasus, national versions, complex studying, edition principles.

Для общества, переживающего переломный период в своей истории, важно не просто сохранить предшествующий жизненный и духовный потенциал, но и суметь осмыслить его применительно к новым обстоятельствам и стимулировать этим эволюцию в области культуры. В данном случае, как нам представляется, суть не столько в том, что мифопоэтическая система нартского эпоса не может быть

повторена в иных условиях. Не менее важно и то, что всякий исторический период, в том числе и период интенсивного формирования героического эпоса, примечателен возможностью появления таких духовных и эстетических феноменов, которые способны представлять непреходящую значимость во все последующие периоды. Второе обстоятельство это то, что в этнологии и эпосоведении к рубежу тысячелетий накопилось немалое число проблем, для решения которых необходимо объединение усилий ученых разных как по роду своей деятельности, так и по взглядам на эти проблемы. В частности, к ним правомерно относить и проблемы эпоса. Как многократно признавалось, воззрения разных исследователей совпадают далеко не всегда и не во всем, и к этому следует относиться с полным уважением. В силу того, что сказания о нартах бытуют у целого ряда народов на разных языках, со временем в разных регионах сложились локальные центры их изучения, в каждом из которых исследователи ориентируются исключительно – или же по большей части – на материалы одной этноязыковой версии. Еще в конце XIX-начале XX вв. в своем развитии вперед вырвалось осетинское нартоведение, успешно развивающееся со времен В.Ф. Миллера и позднее представленное целой плеядой крупных ученых, среди которых В.И. Абаев, Ж. Дюмезиль и их последователи. Труды их, ставшие хрестоматийными для кавказской фольклористики, создавались начиная еще с 20-40-х годов XX века [1]. Специалистов такого масштаба, способных заниматься другими национальными версиями, до второй половины XX в. попросту не было ни в регионах Северного Кавказа, ни в крупных научных центрах. Это способствовало тому, что еще в 30-40 гг. XX в. осетинское нартоведение прочно заняло лидирующие позиции.

Абхазское и адыгское направления в исследованиях эпоса возникли гораздо позже: первое – трудами Ш.Д. Инал-ипа,

Х.С. Бгажба, Б.В. Шинкуба, Ш.Х. Салакая, А.А. Аншба и более молодых ученых (50-70-е гг.), второе – А.Т. Шортанова, А.М. Гадагатля, А.И. Алиевой (60-70-е гг.), а несколько позже З.Ю. и М.А. Кумаровых и др. Еще позднее сформировалось нартоведение карачаево-балкарское (А.З. Холаев, А.И. Караева, Т.М. Хаджиева) и вайнахское (У.Б. Далгат, А.М. Мальсагов, И.Б. Мунаев и др.) – 70-90-е гг.

При весьма сходном, если не сказать едином, предмете исследования, до настоящего времени налицо разрыв в степени изученности разных национальных версий Нартиады и очевидная несогласованность между специалистами. Уже одно данное обстоятельство может явиться достаточным основанием для расхождения во мнениях, а порою для взаимного непонимания и активного неприятия. Оно еще более углубляется расхождениями в методологических принципах и целях, ради достижения которых исследователи обращаются к древнему эпосу. Разумеется, феномен «Нартов» представляет интерес, прежде всего, с точки зрения науки об искусстве слова в определенном плане. Но, будучи по своей природе синкретическим, нартский эпос является предметом живого внимания со стороны языковедов, историков литературы, философов, представителей других научных дисциплин, каждая из которых традиционно обладает собственным методологическим инструментарием. Уместно добавить, что и в каждой названной области разные исследователи, принадлежа к разным научным школам, исповедуют свои принципы. Это для процесса познания вполне естественно, когда за методологией стоит стремление прийти к истине, но никак не желание доказать свое. Увлечение древностью, которая далеко не всегда со всей ясностью познана наукой, стало болезнью и превратило нартский эпос в предмет нездорового интереса со стороны торжествующих дилетантов и порою обретает выраженную политическую окраску. Это вредоносная

тенденция, и следствием ее могут стать только откат науки на десятилетия назад и подрыв многовекового гармонического сосуществования народов во всем северокавказском регионе.

В данных обстоятельствах велика вероятность того, что «общий памятник» поэтического творчества близких по духу и крови народов может из фактора консолидирующего легко превратиться в яблоко раздора между представителями разных направлений. В то же время во всех отношениях – в том числе не только преходящих политических, но и глубоко научных – целесообразно сохранить сферу традиционной культуры в целом как самобытное явление. Это красноречивое свидетельство существования уникальной кавказской цивилизации или кавказской макрокультуры, в которой общее, единое для всех относительно плана содержания имеет у каждого народа выраженные черты собственного этнического своеобразия, неповторимого ни в каком другом виде. В связи с этим становится актуальной проблема пробуждения подлинно научного интереса к общему для народов Кавказа выдающемуся памятнику народной поэзии и к объединению здоровых научных сил в деле его изучения. Соответственно, возрастает необходимость в постоянном или хотя бы периодическом обмене мнениями и информацией и между всеми нартоведом, и между более широким кругом специалистов, занятых в иных, смежных с фольклористикой, областях гуманитарной науки. К сожалению, в настоящее время в области гуманитарных наук преобладает дух обособления. Это даже нельзя считать просто обособлением, потому что иногда авторы упорно не замечают результатов продуктивного труда тех исследователей, суждения которых их не устраивают. Несмотря на фантастически возросшие возможности в области коммуникаций, такие авторы зачастую предпочитают вести работу и издавать труды по собственному разумению и исходя сугубо

из своего материала. Поводом для этого могут служить разные обстоятельства, но самым большим пороком представляется заданная ограниченность масштабов. В результате творческие силы одних оказываются без объективного учета суждений и достижений других, концепции и отдельные умозаключения нередко страдают субъективизмом (не говоря о прямом ущербе, который наносится вольными интерпретаторами, не отягощенными знанием ни мировой культуры, ни даже собственной истории).

Одна из особенностей гуманитарных наук такова, что в обстановке затяжного и всеохватного кризиса нашего общества некоторые, казалось бы, сугубо академические проблемы могут обрести неожиданно острое политическое наполнение. Это, например, вопросы происхождения и древней истории некоторых народов, этническая и языковая атрибуция, карта расселения тех или иных народов в древности, этимология некоторых антропонимов, топонимов, этнонимов, ойконимов. Недостаточно аргументированное, но эмоционально насыщенное суждение, которое подается под видом научного вывода, подчас легко внедряется в сознание неискушенного читателя. И если оно ложно, то, соответственно, массой читателей овладевает ложное представление. Так, например, наблюдающийся в последние полтора-два десятилетия подъем национального самосознания многих народов (явление само по себе весьма позитивное) нередко сопровождается всплесками этноцентризма, что подогревается непродуманными заявлениями псевдоученых, а то и вследствие их целенаправленных своеобразных провокационных действий.

В конце XX века наше общество испытало немало различного рода потрясений, включая настоящие войны за право наследования некоторым известным и могущественным народам древности. Это вылилось в жаркие дискуссии с далеко не всегда добросовестным использованием,

---

– а если сказать откровенно, весьма вольными интерпретациями – архивных, литературных, археологических и, что для нас важно, фольклорных материалов. В водоворот событий были вовлечены и весьма до того уважаемые писатели, деятели культуры и искусства, и ученые, и представители средств массовой информации, причем не только кавказского региона, но и всей страны. Печальные последствия этой «вакханалии гласности» достаточно хорошо известны, и надо признать, что определенная доля греха за это ложится, прежде всего, на ученых-гуманитариев. Эту ответственность они не вправе снимать с себя, потому что слово компетентного специалиста должно быть высказано своевременно, оно призвано вносить ясность в спорные вопросы, которые могут иметь выход к широкой общественности.

В связи со всем вышеизложенным уместно вспомнить, какую значительную роль для консолидации работ в области нартоведения и – шире – всего отечественного эпосоведения сыграли в свое время две всесоюзные научные конференции, посвященные нартскому эпосу – 1956 г. в Орджоникидзе и 1963 в Сухуми. Достоин внимания, что они тщательно готовились высокопрофессиональными специалистами и проводились в деловой конструктивной обстановке. Поэтому материалы этих конференций, изданные отдельными книгами, остаются до настоящего времени важнейшими пособиями для исследователей древней культуры Кавказа [2, 3].

Разумеется, можно вести речь о стечении благоприятных обстоятельств. Например, о том, что у кавказских народов, по большей части относимых к числу новописьменных, к середине XX в. завершился период количественного накопления и процесс формирования национальной научной интеллигенции как существенной части общества. Резонно полагать, что по указанной причине к 60-70 годам вырос профессиональный уровень ученых гуманитарного профиля, в частности, тех из

них, кто занимался проблемами народного искусства и культуры. Нельзя не отметить и то немаловажное обстоятельство, что именно на указанный период приходится пора творческой зрелости целой плеяды ученых, которые по роду своей деятельности обращались к народному эпосу. Вместе с тем, бесспорно также и то, что именно указанные конференции, в которых приняли участие ведущие ученые страны, имели огромный резонанс в научной общественности и стали настоящим катализатором появления новых, более глубоких и объективных исследований эпоса и публикаций аутентичных текстов. Заметным вкладом стал и Майкопский VI коллоквиум Европейского общества кавказологов.

Названные конференции обратили внимание многих ученых на подлинное значение народного эпоса в системе этнокультурных ценностей. Они же помогли определить правильное методологическое отношение к фольклору. Именно после сухумской научной конференции и в последующие годы была преодолена ставшая популярной практика издания литературно обработанных материалов под видом подлинно фольклорных. Достойное внимание стало уделяться аутентичному фольклору.

Здесь весьма важно обратить внимание на очевидную причинно-следственную связь между названными выше научными форумами и следующими по времени позитивными явлениями в нартоведении. Все, что накапливалось в течение всего предыдущего времени, стало выливаться в 60-е годы и позднее в монографические исследования, статьи, доклады, учебные курсы. Только в 60-70-е годы вышли в свет первые монографии, написанные на материале адыгского (А.М. Гадагатль, А.И. Алиева), абхазского (Ш.Х. Салакая и А.А. Аншба), карачаево-балкарского (А.З. Холаев), вайнахского (А.О. Мальсагов и У.Б. Далгат) эпосов [4].

После таких обобщающих монографий стало логически закономерным

создание исследований, которые посвящены отдельным и более специальным аспектам эпосоведения. Примеров можно привести довольно много, и это отчасти. Не претендуя на исчерпывающую полноту, считаем должным назвать некоторые из наиболее значительных тем и имен исполнителей: эпос и этническая история – В.А. Кузнецов, вопросы историографии – Ю.С.Гаглойты; эпос и межэтнические влияния – Т.А.Гуриев, эпос, этническая культура и этнолингвистика – З.Ю. Кумахова и М.А.Кумахов, этническая география и эпос – Ю.А. Дзиццойты, художественно-стилевые особенности и проблемы поэтики – А.А. Аншба, А.М. Гутов, З.Д. Джапыуа [5] и т.д.

Перечень тем и авторов будет гораздо обширнее, если попытаться более обстоятельно осветить данный вопрос и назвать все монографические работы, коллективные тематические сборники статей и отдельные статьи, наиболее важные в научном отношении. Заслуживает внимания и то, что многие публикации аутентичных текстов появились в течение последних двух-трех десятилетий. Это, прежде всего, академические по типу издания адыгской, абазинской, осетинской, карачаево-балкарской версий эпоса.

Даже из тех немногих сведений, которые приведены нами, очевидно, что и в области изучения эпоса последние два-три десятилетия стали достаточно продуктивным периодом. Это не только монографические работы, но еще и более глубокое профессиональное освоение материала, методологическое, тематическое разнообразие, расширение проблематики, попытки подлинно комплексного изуче-

ния нартских сказаний в книгах, статьях, докладах значительного числа ученых, публикации текстов.

Дальнейшие исследования настоятельно требуют тесной координации усилий эпосоведов и представителей различных направлений гуманитарной науки, интересы которых имеют отношение к традиционной культуре. Назрела потребность в более тесном и регулярном общении, а при надобности – и корректировке работ между специалистами, которые исследуют нартский эпос. Налицо как объективные, так и субъективные обстоятельства, побуждающие к широкому обобщению итогов развития нартоведения за всю его не столь уж продолжительную историю и его перспектив в системе современной гуманитарной науки. Эта большая и многогранная проблема не может быть решена в результате одной научной конференции или же на площади одной книги. Между тем за ее решение необходимо приниматься, поскольку в противном случае мы уже сейчас оказываемся перед угрозой утраты непреходящих общечеловеческих духовных ценностей, на формирование которых у народов-носителей эпоса ушли многие столетия. Наличие или отсутствие этих духовных ориентиров в немалой степени определяет ментальность кавказца, определяет его нравственные принципы и моральную устойчивость, его способность адаптироваться в современном мире, где жизненно важно вписаться в систему общечеловеческих стандартов, не утратив при этом своей этнической и духовной идентичности.

Примечания:

1. Абаев В.И. Нартский эпос // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. X, вып. 1. Дзауджикау, 1945; Его же: Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949; Его же: Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965; Dumezil Y. Legendes sur les

-
- Nartes. P., 1930; Его же: Trois familles. Mythe et epopée. P., 1968; Его же: Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976.
2. Нартский эпос. Материалы совещания 19-20 октября 1956 г. Орджоникидзе, 1957.
  3. Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969.
  4. Гадагатль А.М. Героический эпос «Нарты» и его генезис. Краснодар.: Краснодар. кн. изд-во, 1967; Алиева А.И. Адыгский нартский эпос. Нальчик: Эльбрус, 1969; Салакая Ш.Х. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси: Мецниереба, 1966; Аншба А.А. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса. Тбилиси: Мецниереба, 1970; Холаев А.З. Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик: Эльбрус, 1974; Мальсагов А.О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970; Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972.
  5. Кузнецов В.А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980; Гаглойти Ю.С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали, 1977; Гуриев Т.А. К проблеме генезиса осетинского нартского эпоса (о монгольских влияниях). Орджоникидзе: Ир, 1971; Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора: нартский эпос. М.: Наука, 1985; Их же: Нартский эпос: язык и культура. М.: Наследие, 1998; Дзиццойты Ю.А. Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартском эпосе. Владикавказ: Алания, 1992; Аншба А.А. Абхазский фольклор и действительность. Тбилиси: Мецниереба, 1982; Гутов А.М. Поэтика и типология адыгского эпоса. М.: Наука: Восточ. лит., 1993; Его же: Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Эль-фа, 2000; Его же: Народный эпос: традиция и современность. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2010; Джапыуа З.Д. Нартский эпос абхазов. Сухум, 1995.

References:

1. Abaev V.I. The Narts's epos // News of the North Ossetia research institute. V. X., Issue 1. Dzauzhikau, 1945; the same author: The Ossetian language and folklore. V. 1. M.; L.: Publishing house of the AS of the USSR, 1949; the same author: Scythian and European isoglosses. On the East and West joint. M.: Nauka, 1965; Dumézil Y. Legendes sur les Nartes. P., 1930; the same author: Trois familles. Mythe et epopée. P., 1968; the same author: The Ossetian epos and mythology. M.: Nauka, 1976.
2. The Narts' epos. The materials of the meeting of October 19-20, 1956. Ordzhonikidze, 1957.
3. Legends on the Narts – the epos of the Caucasian peoples. M.: Nauka, 1969.
4. Gadagatl A.M. Heroic epos «The Narts» and its genesis. Krasnodar: Krasnodar Publishing house, 1967; Aliev A.I. The Adyghe Narts' epos. Nalchik: Elbrus, 1969; Salakaya Sh.Kh. The Abkhazian folk heroic epos. Tbilisi: Metsniereba, 1966; Anshba A.A. The problems of poetics of the Abkhazian Narts' epos. Tbilisi: Metsniereba, 1970; Kholaeov A.Z. The Karachai-Balkar Narts' epos. Nalchik: Elbrus, 1974; Malsagov A.O. The Nart-Orstkhoysk epos of the Vainakhs. Grozny, 1970; Dalgat U.B. Heroic epos of the Chechens and the Ingushes. M.: Nauka, 1972.
5. Kuznetsov V.A. The Narts' epos and some questions of the Ossetian people history. Ordzhonikidze: Ir, 1980; Gagloyti Yu.S. Some problems of the Narts' epos historiography. Tskhinvali, 1977; Guriev T.A. On the problem of genesis of the Ossetian Narts' epos (on the Mongolian influence). Ordzhonikidze: Ir, 1971; Kumakhov M.A., Kumakhova Z.Yu. The language of the Adygh folklore: the Narts' epos. M.: Nauka, 1985; By the same authors: The Narts' epos: language and culture. M.: Nasledie, 1998; Dzitstsoyty

---

Yu.A. The Narts and their neighbors. Geographic and ethnic names in the Narts' epos. Vladikavkaz: Alaniya, 1992; Anshba A.A. The Abkhazian folklore and reality. Tbilisi: Metsniereba, 1982; Gutov A.M. Poetics and typology of the Adyghe epos. M.: Nauka: Vostoch. lit., 1993; by the same author: Art and style traditions of the the Adyghe epos. Nalchik: Elf, 2000. By the same author: National epos: tradition and the present times. Nalchik: KBIGI Publishing house, 2010; Dzhapyua Z.D. The Narts' epos of the Abkhazians. Sukhum, 1995.